

Сказки «Сиддиту Кюр» в переводе Ильи Сургучёва

*Александр Алексеевич Фокин*¹

¹ Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417А, ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Фокин А. А., 2024

Аннотация. Вступительная статья, предвещающая публикацию переводов с монгольского языка 8, 12 и 13-й повестей «Сиддиту Кюр», нацелена не только на привлечение внимания к имени писателя И. Д. Сургучёва, его деятельности как востоковеда и переводчика, но и к истории переводческих, исследовательских практик в одном из старейших университетов нашей страны — Санкт-Петербургском университете. Переводы сказок предложены в авторской редакции переводчика с параллельным комментарием перевода отдельных фрагментов фольклорных источников с калмыцкого языка. В статье предлагается краткий биографический экскурс в период становления И. Д. Сургучёва-востоковеда, указываются имена ученых и педагогов, оказавших на него непосредственное влияние, приводятся их основные научные и учебно-методические труды, оставившие наиболее глубокий след в мировоззрении писателя. Исходя из анализа рукописи И. Д. Сургучёва, других источников его наследия, обосновывается его оценка «Сиддиту Кюр» в художественном и научном планах.

Ключевые слова: И. Сургучёв, «Сиддиту Кюр», фольклор, монгольский язык, калмыцкий язык, востоковедение

Для цитирования: Фокин А. А. Сказки «Сиддиту Кюр» в переводе Ильи Сургучёва // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 161–181. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-161-181

Tales of «Sidditu Kyur» Translated by Ilya Surguchev

*Aleksandr A. Fokin*¹

¹ Stavropol State Pedagogical Institute (417A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Fokin A. A., 2024

Abstract. The introductory article preceding the publication of translations from Mongolian of the 8th, 12th and 13th stories of “Sidditu Kyur” is aimed not only at drawing attention to the name of the writer Ilya Surguchev, his activities as orientalist and translator, but also to the history of the translation and the research practices at one of the oldest universities in our country — St. Petersburg University. The translations of fairy tales are offered in the author’s version of the translator with a parallel commentary on the translation of individual fragments of folklore sources from the Kalmyk language. The article offers a brief biographical excursion into the period of formation of Ilya Surguchev as orientalist, indicates the names of scientists and teachers who directly influenced him, cites their main scientific and educational-methodical works, which left the deepest mark on the writer’s worldview. Based on the analysis of Ilya Surguchev’s manuscript and other sources of his legacy, his assessment of “Sidditu Kyur” in artistic and scientific terms is substantiated.

Keywords: I. Surguchev, “Sidditu Kyur”, folklore, Mongolian language, Kalmyk language, oriental studies

For citation: Fokin A. A. Tales of “Sidditu Kyur” Translated by Ilya Surguchev. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2024; (4): 161–181. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-161-181

1. Введение

Калмыцкая тема в произведениях Ильи Дмитриевича Сургучёва (1881–1956) уже становилась предметом ряда исследований [Фокин 2005; Фокин 2006; Ханинова 2006; Нутрихин, Фокин 2008; Нутрихин, Фокин 2010; Фокин 2013]. Однако обращение к истокам ее появления, выявленным благодаря обнаруженным архив-

ным документам и открывшимся фактам творческой биографии писателя, предполагает их новое прочтение, с учетом интертекстуальных связей с фольклором и литературой, общими для народов монгольской языковой семьи.

Мировоззрение И. Д. Сургучёва с самого детства формировалось под влиянием православия. Он получил духовное образование, сначала закончив Ставропольское духовное училище, а затем Ставропольскую духовную семинарию. Безусловно, этот путь был предопределен традиционными ценностями семейного воспитания, авторитетом родителей, благодаря которым формировалось понимание того, что воцерковление позволит постичь идеи надмирного, почувствовать и понять суть высших начал и определять ими свои шаги в жизни. Духовное образование, пожалуй, главный источник творчества И. Д. Сургучёва-писателя, позволивший стать ему воистину одним из православных маяков русской литературы первой половины XX в.

2. Формирование И. Д. Сургучёва-востоковеда

Духовными наставниками И. Д. Сургучёва в семинарии были в большинстве своем известные в России и за ее пределами люди: Николай Платонович Малиновский, по книге которого «Православное догматическое богословие» [Малиновский 1895–1909] и по сей день учатся семинаристы, церковный писатель и библиист Дмитрий Петрович Афанасьев, композитор и «король регентов» Василий Дмитриевич Бенецкий и др. Во многом благодаря влиянию семинарских педагогов И. Д. Сургучёв всегда оставался верным сыном своей духовной школы, поборником литургического православия и в жизни, и в творчестве: «Я веровал и верую так, как веровали наши православные отцы и деды, — и больше ничего не хочу знать!..» [Клименко 2017: 415].

Тем не менее иные знания, а именно рост интереса к Востоку среди русского духовенства и культурной элиты конца XIX – начала XX вв., обусловили несправедливый интерес И. Д. Сургучёва к восточной философии и литературе, китайскому и монгольскому языкам. По окончании семинарии в августе 1901 г. Илья Сургучёв был зачислен в число студентов на китайско-маньчжуро-монгольский разряд факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета.

Вот как вспоминает И. Д. Сургучёв свою первую встречу с Виктором Романовичем Розеном, известным русским востоковедом, академиком Петербургской Академии наук, служившим с 1893 г. деканом факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета:

— Вы чего это к нам на факультет? Имейте в виду, что это — самый трудный факультет мира. Почти никто не выдерживает. Все уходят. Предупреждаю вас об этом, чтобы вы зря не теряли времени. Потом все равно сбежите или на юридический, или на филологический.

Это первое, что с какой-то непонятной враждебностью сообщил мне барон Розен. Я молчал.

— Что вас прельщает? Служба по дипломатическому ведомству?

Я хотел сказать, что меня прельщает прочесть в подлиннике Конфуция и Мен-Цзы или, по-монгольски, катехизис «Тонилхуйн-Чимек», о таинственности которого я много слышался у себя в губернии от калмыцких лам Большедербетовского улуса, но каким-то отдаленным чутьем я понял, что это приведет в недоумение веселого профессорского генерала и что разговор о службе, карьере, большом жаловании ему будет понятнее и ближе, и я ответил:

— Да, хочу служить по дипломатическому ведомству [Сургучёв 2016: 115–116].

Действительно, факультет был трудный, он считался первым в Европе, а количественно, по воспоминаниям современников, — самым маленьким в университете: «Уж очень труден для грызни камень его наук. На всех шести отделениях факультета студентов человек пятьдесят» [Сургучёв 2016: 115]. Отделение монголоведения располагалось тогда на третьем, самом верхнем этаже здания университета, было немногочисленно относительно находившихся ниже шумных, суетливых аудиторий юридического факультета. Предстояло изучить китайский язык и историю китайской литературы, курс истории Китая, маньчжурский язык и историю маньчжурской литературы, монгольский язык и историю монгольской литературы, освоить калмыцкое наречие, общие курсы истории Востока и истории восточной части Средней Азии, курсы по русскому государственному праву, международному праву, политиче-

ской экономии, а также французский язык [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 22. Д. 69. Л. 167]. Тихая размеренно-спокойная атмосфера восточного факультета была для Ильи Сургучёва родной. Она чем-то напоминала провинциальный город, в сравнении с шумной столицей, учебу в семинарии, где через многократные повторения священных песнопений и писаний осваивались древние языки — древнегреческий, латынь, старославянский.

И. Д. Сургучёв с легкостью овладевал языками. Переводил на монгольский и китайский русские народные песни, а потом, как скороговорки, повторял их, чтобы упражняться в устной речи, или пел. Уже ко второму курсу в подлиннике читал доступные в России философские труды и произведения литературы. «Эти вертикальные строки, — вспоминал он, — то иероглифов, то клинообразных надписей сначала тянули к себе грамматически, а потом из них начинали просачиваться какие-то странные и таинственные духовные испарения, действовавшие на ум и сердце. Это было очаровательно и захватывающе» [Сургучёв 2010: 290–291].

Чаще других из преподавателей университета в дневниках и других мемуарных записях И. Д. Сургучёва упоминаются Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский, один из известнейших русских литературоведов и лингвистов, основоположник психологического направления в филологической науке, и Куэ (Гуй) Фан — преподаватель китайского языка и его диалектов, автор учебника «Первоначальный учебник китайского разговорного языка с указанием интонации и ударения» [Куэ-Фан 1904], служивший сотрудником китайского посольства в Санкт-Петербурге и лектором на кафедре китайской словесности университета.

И. Д. Сургучёв вспоминал, как достопочтенный Куэ Фан вежливо и снисходительно отвечал на вопрос студентов о том, почему Китай противится введению европейской культуры:

Я очень, очень прошу простить мое грубое мнение, но мне смеет казаться, что у вас, в Европе, культуры теперь нет. У вас есть телеграфы, телефоны, автомобили, железные дороги — но у вас нет почитания старших, у вас нет культа предков. Мы предпочитаем возить рис на верблюдах: он так же вкусен, как и привезенный на паровозе. И потом: письма, идущие месяц, «вкуснее», чем

письма, покрывающие то же расстояние в один день. Уверяю вас, простите меня, пожалуйста, многоуважаемые господа студенты [Сургучёв 2016: 173].

Как вспоминал Н. К. Клименко, из пятидесяти поступивших на восточное отделение студентов закончили курс в 1908 г. только два, и одним из них был Илья Сургучёв. И ему, выпускнику университета с дипломом I степени, было предложено место на кафедре, а также в главном интендантском управлении военного министерства, о чем свидетельствует секретная записка на имя ректора университета от 8 ноября 1908 г. [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 38941. Л. 2–2об.]. И все же стать ученым-синологом или дипломатом И. Д. Сургучёву не довелось. Тем не менее он гордился своей редкой специальностью. Иногда любил козырнуть познаниями в области восточной философии и литературы. Обращаясь к теме Востока, в своих произведениях старался показать глубину своих знаний, непрязный интерес к культуре Китая, даже подчеркивал ее превосходство над европейской:

Как мы далеки от мира и как чужды и странны ему! Эта запрещенность и отрешенность от подлинного, божеского, творческого мира — страшна и непонятна. Если какая-нибудь нежданная бомба разорвала бы мой дом и все разлетелось бы вдребезги — мне было бы жаль одного: перевода, который, вот уж двадцать лет, я делаю с китайского языка. Я когда-то выучился ему в петербургском университете. Перевожу китайский роман, которого никто в Европе не знает и который так же очарователен и свеж, как вот эта струйка ветра, прилетевшая, быть может, из Рима. Кто написал этот роман — неизвестно: китайские беллетристы никогда не открывают своих имен. Они не гонятся ни за деньгами, ни за славой, — и разве это мы, суетливые европейцы, можем понять? Не можем понять. Это бескорыстие для нас непостижимо, как непостижима субстанция ветра. Человек написал роман, тайком, как ребенка, подкинул его в типографию и канул в воду. Постижимо? Непостижимо [Сургучёв 2016: 172].

В дневниках писателя есть еще одно важное для понимания глубины постижения Востока воспоминание о годах учебы в университете: «Во время каникул я обыкновенно жил среди калмыков в Большедербетовском улусе, Ставропольской губернии. Однажды

я там, у одного гелюна, очень милого, умного и большого чахоткой, нашел три сказки, в конце учебы впервые мною переведенные и опубликованные. Там описывалась красота женщины: „Была темная ночь и вот красавица вышла на крыльцо своего дома. И когда посмотрела налево, то сразу стали видны сандаловые леса, а когда посмотрела направо, — то все девушки и женщины той стороны проснулись и принялись за работы, сказав: «Встало солнце»“» [Сургучёв 2024: 134].

Публикацию упоминаемых переводов сказок обнаружить пока не удалось. Однако в личном деле студента факультета Восточных языков Ильи Сургучёва, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, чудом сохранилась рукопись его перевода с монгольского языка 8, 12 и 13-й повестей «Сиддиту Кюр», с параллельным комментарием перевода этих же повестей с калмыцкого языка [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1546. Л. 3–37об.]. Датируется эта рукопись 18 января 1907 г. [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1546].

3. Сказки «Сиддиту Кюр» в переводе И. Д. Сургучева

Перевод сказок с монгольского языка выполнен И. Д. Сургучёвым по «Монгольской хрестоматии» О. М. Ковалевского [Ковалевский 1836], а при сопоставительном комментировании использовано литографское издание «Сиддиту Кюр» на старокалмыцком языке К. Ф. Голстунским [Голстунский 1864].

Разночтения в монгольском и калмыцком вариантах отдельных фраз, фрагментов выделены в тексте курсивом, а их перевод с калмыцкого языка дан в примечаниях.

Илья СУРГУЧЁВ

Сказки «Сиддиту Кюр»

Подготовка текста и публикация: Александр Фокин

Повесть о художнике Ананде и о плотнике Ананде

В глубокой древности в народе по имени *Хуттал Тогусуксон Хусель*¹ был хан по имени *Хамуги Багулукчи*². После его смерти на

¹ В калм. тексте государство называется Бюкюн Кюсэчи.

² В калм. тексте хана звали Бюкюни Гэйгулукчи

ханский престол вступил сын его по имени Хамуги Тэтхукчи¹. Среди его народа были художник, называвшийся Анандой, и плотник, называвшийся Анандой².

Вследствие того, что между ними обоими происходила крупная взаимная вражда, то художник Ананда, отправившись в одно (прекрасное) время к хану, доложил ему: «Я сегодня возвратился из местопребывания отца твоего. Хан, отец твой³, возродился среди тэнгриев⁴. Когда он сказал мне идти к нему, то я, по приказанию, отправился. Невообразима сила и могущество его! Вот это — письмо, данное (присланное) тебе отцом твоим!». И с этими словами подал (письмо).

Когда он (хан) посмотрел содержание его, то вот что было сказано сыну Хамуги Тэтхукчи⁵: «После того как я переменял жизнь, я возродился среди тэнгриев и живу теперь в полном довольстве. Вследствие того, что здесь необходимо⁶ построить монастырь, а так как плотника здесь не достать, то пришли плотника моего, Ананду. Художник знает способ посылания на верх».

Когда он подал хану-сыну поддельное письмо, говорившее это, хан, прочитав его, сказал: «Если мой отец существует таким образом, то (это) очень хорошо», — и приказал плотнику прийти⁷. Когда тот явился, то хан сказал следующее: «Хан, отец мой, пребывает в царстве тэнгриев. Так как (ему) необходимо выстроить (там) монастырь, то он сказал (мне): «Пришли ко мне плотника»».

И, когда (хан) показал письмо, то тот (плотник), посмотрев, подумал: «Этого быть не может. Враждебно настроен ко мне только Ананда-художник. Теперь к этому сделаем одну хитрость»⁸.

¹ В калм.: «После смерти его ханом, охраняя и благодетельствуя подданных, сделался сын его по имени Бюкюни Тэдкегчи».

² В калм. тексте их обоих зовут Гюнак.

³ В калм.: «хан, отец Вашей Светлости».

⁴ Тэнгри — небесный дух; верховное божество неба тюркских и монгольских народов.

⁵ В калм. письмо таково: «Посылаю сыну моему Бюкюни Тэдкегчи...».

⁶ В калм.: здесь необходимо.

⁷ В калм.: «Приказал слуге привести плотника, и тот слуга привел плотника».

⁸ В калм.: «Этого письма не было. Оно подложно злой мыслью художника Гюнака. Поэтому необходимо сделать одну хитрость».

И сказал хану Хамуги Тэтхукчи: «А каким образом надлежит отправиться в царство тэнгриев?» Тот ответил: «Сейчас спросим у художника Ананды».

И когда привели того, спросил, то художник ответил следующее: «*Полив дрова маслом кунжута и посреди них посадив (плотника), и при прочтении разных молитв, когда разгорится огонь, пошли (его) верхом на лошади, (образовавшейся) из дыма*»¹.

Плотник Ананда ответил: «Пусть делается так! Для моего отхождения есть около моего дома засеянное место (поле). Отправлюсь с середины его!». И после взаимного соглашения, дал обещание отправиться, семь раз переночевав после этого (дня).

Вернувшись в свой дом, плотник сказал так своей жене: «Ананда-художник, руководствуясь гневной мыслью, устроил это, и я дал обещание отправиться по истечении семи ночей. Поэтому пустим в ход одну хитрость!». И тотчас прорыл дыру из пола дома до пашни (поля) и закрыл плоским камнем отверстие ее, покрыв землей.

После того, как прошло семь ночей, хан издал такой приказ: «*Наступило (время) послать плотника Ананду в царство тэнгриев. Все подданные, приходите, взяв по одной вязанке топлива и масло кунжута!*»².

После того, как все пришли и навалили на пашне плотника много дров, и, посредине его поместив плотника *с подарками*³, разложили огонь, *издавая различные звуки и голоса*⁴. Когда сделался большой огонь и дым, плотник, забрав свои подарки, ранее вырытой ямой вышел в свой дом. Художник, очень радуясь, показывал на небо своим пальцем, говоря: «*Плотник отошел внутри этого дыма*»⁵. После

¹ В калм.: «Взяв плотника со всеми орудьями (его ремесла) и обложив его дровами, намазанными маслом кунжута, распевая всякими радостными голосами, положить под дрова огонь. Посадив его на лошадь из дыма, пошли».

² В калм. приказ изложен иначе: «Сегодня нужно оправить плотника Гюнака к отцу моему. Все подданные! Приходите, взяв топливо! Приходите, взяв масло кунжута!».

³ В калм.: «с инструментами».

⁴ В калм.: «сопровождая музыкой и песнопениями».

⁵ В калм.: «Когда облака дыма поднимались к небу, то художник Гюнак, глядя на небо и вытягивая палец вверх, говорил: «Он отошел туда в середине дыма».

этого большое собрание разошлось, и все говорили между собой: «Сегодня плотник, умирая, отошел в царство тэнгриев, к хану».

После этого плотник в продолжении одного месяца, не будучи видимым в доме, каждый день мылся молоком и сидел исключительно во тьме. Затем, *надевши белую одежду из белой шелковой ткани, подал Хамуг'и Тэтхукчи опять подложное письмо*¹: «Будучи здоров и спокоен, ты хорошо (делаешь), что возвышаешь по закону ханского предка. Для постройки здесь храма плотничьи работы исполнены хорошо². Теперь там должно почтить его (предка), доставив (ему) радость. А так как теперь в этом монастыре необходим художник, то пришли немедленно оттуда Ананду, художника. Способ посылания вверх оставить прежним».

Захватив письмо, в котором было сказано так, он явился к хану. Хан, видя его, воскликнул: «Он пришел из царства тэнгриев! Хан, отец мой, пребывает, следовательно, в спокойствии!». Когда плотник, представив подложное письмо, подробно рассказал, как он достиг царства тэнгриев, тогда хан, весьма радуясь, щедро наградил его за это всяким добром. «*А теперь в том монастыре немедленно нужен художник*³», — и хан приказал привести художника Ананду.

Художник, явившись, лишь только увидел, что тело плотника Ананды сделалось белым, одето в белую одежду и увито разными драгоценностями, подумал: «Что это? Он не умер и пришел?».

Подавая письмо хана-отца, хан изложил (ему) причину, ради которой нужно отправиться в царство тэнгриев. Художник подумал так: «Если я теперь отправлюсь истинным путем, то достигну (царства тэнгриев). Ведь этого же плотника я видел своими собственными глазами и сжигал на огне, держа его своей собственной рукой. Теперь невозможно не отправиться». *Подумав о времени*⁴ для совер-

¹ В калм.: «написав также подложное письмо, подал сыну Бюкюни Гэйгулукчи слова того письма».

² В калм.: «Плотник Гюнак в моей работе все сделал старательно. Выдайте ему большую награду».

³ В калм.: «А теперь в том монастыре необходимо расписывать храм».

⁴ Мне кажется, что в данном месте слова «урида» и «хойту» употреблены для обозначения понятия времени, а не для обозначения дороги, ранее пройденной плотником, а позже — живописцем, как рекомендует понимать проф. Ковалевский (Хрестоматия, т. 1, стр. 382).

шения пути, он дал обещание отправиться спустя семь ночей. Когда он спросил о способе отправки, то ему сказали: «По-старому».

Спустя семь ночей все пришли, взяв с собой дрова и масло кунжута, и навалили большую кучу их *среди пашни*¹. Что касается художника, то его посадили на верх, снабдив (его) *подарками*², *подносимыми хану*³, письмом и прочим. Подхватывался огонь со всех сторон, *начали издавать звуки и голоса*⁴. Художник, не вытерпев, издавал жалобные стоны (крики), прыгал, но, не будучи услышан за звуками и голосами, сторел.

Повесть о хане Илагуксан Ойоту

В некоторое время существовало *государство одного благоденствующего народа по имени Цэцэк утчйэр Чимэксэн*⁵. Оно было наполнено внутри сандаловыми деревьями, деревьями бессмертия, виноградными и различными другими, пашнями, дававшими хлеб разных сортов, медленными текучими реками, и по середине (всего) такого был дворец, называвшийся *Алтан Тягультаян*⁶, окруженный снаружи городами. В нем жил хан по имени *Илагуксан Ойоту*⁷.

Среди народа этого хана жил человек, именованный светлым мудрецом. Однажды тот хан отдал такой приказ ему через своего слугу: «Если ты справедливо называешься светлым мудрецом, то укради *талисман моего материального духа*⁸. Если ты сумеешь действительно взять его, то я дам (талисман) щедрый подороже. А в случае, если не сумеешь, то я, отняв твой дом и землю, вырву (тебе) глаза».

Хотя тот и не признал справедливым (это требование), но дал обещание совершить воровство в пятнадцатую ночь и ушел.

¹ В калм.: «посреди пашни художника».

² В калм.: «принадлежностями (его ремесла)».

³ В калм.: «сказали: „Повидайся с ханом Бюкюн Гойгулукчи“».

⁴ В калм.: «завучала музыка и песнопения».

⁵ В калм.: «государство, весьма процветавшее, по имени Цэцэк йэр Чимэксэн».

⁶ В калм.: «Алтату».

⁷ В калм.: «Эркэшиксэн Нилха Ойоту».

⁸ В калм.: «сумей украсть драгоценность, камень моей жизни и счастья».

После этого хан, прикрепив камень к столбу, не открывал дверей и оберегал его, приказав особым караульным стеречь всевозможными способами, по очереди. После этого Г. О. (так в тексте. — А. Ф.) вечером пятнадцатой ночи отправился, *взяв вкусной водки из очень густого риса*¹, и угостил ею сторожей, ездивших на ханских лошадях. Он напоил их пьяными, говоря: «Теперь я не в состоянии взять камень», убеждал не слушать хана. Затем, взяв сухую брюшину, шапку из соломы и три камня, находящихся в воде, и, когда в полночь добрался до дворца, *то привратники, сидя на лошадях, спали*². Сняв их, по одному, с лошадей, он посадил их верхом на стену.

Затем, когда он *проник внутрь*³, то на кухне, не снимая одежды и склонившись к горевшему огню, спали служанки. На голову (служанке), находившейся близ того огня, он надел соломенную шляпу. А в руку (служанки), находившейся около той, он всунул круглые камни. Затем, войдя в спальню, он на голову спавшего хана надел сухую брюшину. Все люди, окружавшие то место, где на столбе находился сияющий талисман, летали (спали). Свяжав их волосы, сняв со столба тот камень и прыгнув с лестницы⁴, он убежал. В это время понесся отовсюду крик: «Вор пришел!», «Не тяни меня за косу!». «Не тяни меня», и все, скатившись, в одном месте сидели. Что же касается хана, то он кричал: «Голова моя стала суше, чем камень!». А когда кричали: «Служанки, зажгите огонь!», то одна служанка, вследствие того, что раздувала огонь и он попал ей на соломенную шляпу, подожгла (себе) голову. Когда же другая служанка ударила ее рукавом, то камни выскочив, нанесли ей три раны. Вместо того, чтобы бежать за воров, они начали ругаться. После этого, когда закричали: «Всадники! Вор вышел! Догоняйте его скорее!». Но всадники, сидевшие верхом на стене, вследствие опьянения водкой, ничего в ответ не сделали.

¹ В калм.: «взяв весьма крепкой виноградной водки и подсев близко к сторожам».

² В калм.: «верховые» и добавлено: «спали, храпя очень сильно».

³ В калм.: «когда он вошел в дом, то близ двери, склонившись в изнеможении к очагу, сняв свою одежду и сидя с зажженным огнем, слева — еще (люди). Осторожно человеку с огнем он надел на голову шапку из травы, и в рукав (человека, лежавшего около него), он вложил три камня из воды».

⁴ В калм.: «спустился по лестнице».

После этого тот, взяв камень и пришедши в свой дом, переночевал, а на следующий день, захватив талисман, явился к хану, который находился в раздраженном состоянии. Г. О. сказал ему следующее: «Хан! Не гневайся! Бери назад камень!». Хан ответил: «Сделай из камня что-нибудь нужное (тебе). Что же касается другого средства в эту ночь, то неужели ты не мог поступить правильно? Вследствие того, что ты надел на мою голову брюшину, я испугался, думая, что голова моя высохла (облысела). Вследствие такого безобразия, *забрать теперь этого человека в суд, отрубить ему голову!*».

*Когда хан издал такой приказ, Г. О. подумал: «Что теперь делать? Хан хорошего мне не сделает», — и, подняв талисман, разбил его о камень. Хан тогда, истекши кровью из носа, умер*².

Повесть о сыне брамина

В некоторое старинное время в одном отдаленном народе жил сын брамина. Он продал за штуки сукна свою пашню и, пока, навьючив (их) на ослика, отправился в другую страну, *то на пути*³ (увидел, как) много ребят, поймав мышь и привязав (ее) за шею ниткой, погружают (ее) в воду, волочат и мучают другими способами.

В это время, пожалев ее и не будучи в состоянии вытерпеть, он сказал: «Ах, ребятки! Это великий грех! Пустите ее!».

Дети ответили ему следующее: «Мы поймали ее, нуждаясь в ней (для забавы)». А какой ты, братец, забавник. Он, сказав: «Если так, то я заплачу вам», — дал одну штуку своего сукна и, взяв мышь, *отпустил (ее)*⁴.

Когда он опять пошел, то на распутье (увидел, как) много ребят, поймав детеныша обезьяны, играют (с ним), а так как он не мог (играть), то бьют его палкой, заставляя вертеться. Сжалившись, он

¹ В калм: «Взявши тебя в судебное место, необходимо наказать».

² В калм.: «Из уст славного хана Амугулаюг Эдлекчи вышли слова: «Легкомысленно (поступил)». Слова из уст хана вышли без предопределения, оставив (труп) и ответив. Из сказок мудрого трупа эта сказка двенадцатая».

³ В калм.: «Когда он достиг перекрестка какой-то дороги».

⁴ В калм.: «пустил ее в отверстие строения».

сказал: «Оставьте!». Но так как (ребята) не оставили (забавы), то он дал опять штуку сукна и, купив обезьяну, взял ее и пустил в лес.

Когда тот (увидел, как) при устье одного ручья много ребят, поймав медвежонка, мучают его, езда (на нем) верхом *и проч.*¹, тогда, сжалившись и не вытерпев, дал одну штуку своего сукна и, взяв медвежонка, пустил (его) в лес.

Тогда тот человек, оставшись без сукна, погоняя ослика и следуя за ним, думал так: «Я отправился торговать, а так как (теперь) у меня нет имущества, то что же делать? Забравшись в ханский дворец, украду-ка я что-нибудь!».

Привязав своего ослика в загон, он проникнул украдкой в ханский дворец и, ставив из дворцовых хранилищ *много шелковых материй и лент*², в то время, как подходил к дверям, встретился с женой хана. Она закричала: «*Ай! Во дворец проник вор! Кто это?*»³. Люди, сбжавшись задержали (его). Хан постановил следующее: «Положить этого вора в деревянный ящик и, *оковавши железом, бросить в воду!*»⁴.

Сделав таким образом, бросили в воду. Подхваченный этой водой, он остановился на острове и умирал, так как дыхание (у него) спиралось. В это время снаружи кто-то скреб и, когда сделалась маленькая дырка, он *посмотрел*⁵, и увидел, что это — мышь, когда-то за (его) сукно опущенная на волю. Мышь сказала следующее: «Не кручинься! *Я приду, взяв (с собой) других двух друзей!*»⁶. Получив таким образом приток воздуха, он не умер. А мышь, отправившись к обезьяне, рассказала о происшествии. Тогда обезьяна, пришла и *сломила крышку ящика*⁷, а затем явился медведь и, сломав ящик, вытащил его на доске. Втроем они питали его древесными плодами и проч. Питаясь, и не будучи в состоянии переправиться через воду, тот человек пребывал там. Раз ночью медведь показал

¹ В калм. кроме этого еще: «били его по голове».

² В калм.: «кипу шелка».

³ В калм.: «Ай, этот человек украл (что-то) из дворца».

⁴ В калм.: «... укрепить железными гвоздями и бросить в большую реку».

⁵ В калм.: «заставил себя посмотреть».

⁶ В калм.: «Я пойду и скажу двум другим друзьям: „Приходите!“».

⁷ В калм.: «вытащила большую часть гвоздей ящика».

обезьяне, что на равнине по ту сторону воды есть очень большое сияние, и когда послал (ее), то она нашла там сокровище (чиндамани) величиной с птичье яйцо. Взяв его, она отдала сыну брамина. Вследствие того, что он выразил желание достичь противоположной стороны этой реки, он переправился через воду и заснул, произнося пожелание: «Пусть посреди той долины будет дворец¹, окруженный строениями, конюшнями; пусть растут различные деревья; пусть протекают святые источники. А что касается внутренних (дворца), то пусть он будет наполнен необходимым имуществом»².

Когда он открыл глаза, то было так. Однажды, в то время, как он наслаждался там, проезжал (мимо) великий купец, начальник каравана³, и, будучи удивлен, говорил: «Что же это такое? В то время, как раньше здесь была пустая степь, теперь этакое удивление!».

Когда он пришел к этому брамину, он сел, тот рассказал ему об обстоятельствах (которые с ним приключились) и средстве (благодаря которому он приобрел все то, что увидел купец) и лишь тогда показал чиндамани, то начальник каравана сказал следующее: «У тебя все сполна есть. Ты ведь удовлетворен им. Я отдам тебе все это бессчетное навьюченное и оседланное, а ты дай мне то чиндамани»⁴.

После этого он отдал купцу чиндамани, удовлетворяющее желание. Когда же брамин лег (спать) на шелковом ковре, то лишь только он проснулся на следующее утро⁵, как ничего (уже) не было: ни имущества, ни дома, и он по-прежнему сидел на траве, находящейся на полуострове, (на котором он был) раньше. Он был огорчен, и тогда три друга, пришедши, спросили: «Что случилось?». А когда он рассказал о причине, то (они сказали): «Ты неосторожный человек! Каким образом ты отдал чиндамани?»⁶ Теперь мы втроем пойдем и попытаемся обратно взять его», — и

¹ В калм.: «дом, наполненный разными украшениями».

² В калм. тексте это пожелание названо «обширным».

³ В калм.: «проезжало мимо много купцов».

⁴ В калм. добавлено: «Тот ответил: «Ладно», — и отдал».

⁵ В калм.: «(почувствовал), что подстилка сделалась жесткой».

⁶ В калм.: «Ты поступил легкомысленно, бесхарактерно. Куда ушел человек, взявший чиндамани?..».

ушли¹. Когда пришли туда, то тот главный купец жил исполненный силы, могущества и всякого имущества².

Медведь и обезьяна не пролезли в отверстие ворот. Когда послали мышь узнать, где находится чиндамани, то она, проникнув через отверстие ворот, (увидела), что *главный купец спал внутри дома, наполненного великолепными украшениями*³. В почетном месте того дома, во середину много насыпанного риса, была воткнута стрела. На конце стрелы было привязано чиндамани.

Вследствие того, что у основания ссыпанного риса находились две большие кошки, она не могла подойти и, возвратившись к двум друзьям, сказала (им) причину. Медведь сказал: «Теперь средства нет, возвратимся!». Обезьяна сказала *следующее*⁴: «Если так, то у меня есть одно средство. Ты, мышь, иди в этот вечер и раскуси косу купца. Если ты так сделаешь, то в завтрашний вечер пробежишь прямо перед подушками кошек. Если так, то мы украдем чиндамани». Когда она раскусила таким образом косу, то, когда на следующее утро главный купец проснулся и поднял вверх голову, то все волосы упали. Когда голова сделалась легкой, (у него) зародилось сомнение и он сказал: «В эту ночь мышь отгрызла мне косу. Для сохранения оставшихся волос нужно привязать за ножку моего стола пару кошек».

В этот вечер медведь и обезьяна ожидали у ворот. Когда мышь была (снова) послана, чтобы украсть чиндамани, то, пришедши, она обрадовалась, так как у основания риса не было кошек. Когда она прыгнула, чтобы взять чиндамани, то, не допрыгнув до острия стрелы, возвратилась ни с чем. Медведь сказал: «теперь средства нет, возвратимся!». Но обезьяна сказала: «Есть одно средство. Снова отправившись, если не сумеешь взобраться на стрелу, то разгреби (если разгребешь) рис, в котором находится основание стрелы, тогда стрела упадет и упадет чиндамани. Тогда возвращайся».

Мышь, сделав так, выбросила чиндамани во двор, а когда из двора дошла до ворот, то не могла взять (поднять) его вверх. *Вы-*

¹ В калм.: «отправились в погоню».

² В калм.: «исполненный имущества, счастья и благополучия».

³ В калм.: «Внутри роскошно убранного дома сидел князь купцов».

⁴ В калм.: «Не хорошо мне возвращаться!»

*шедши наружу*¹, она сказала: «Я донесла (его) в середину отверстия, но не могла через это (отверстие) вынести (его) наружу». Медведь сказал: «Обезьяна, мы оба не поместимся в дыре. Средства теперь нет, возвратимся!». Обезьяна ответила: «У меня есть средство!». И, привязав мышь за хвост ниткой, (распорядилась): «Теперь ты, мышь, *старательно обхвати своими лапами чиндамани*², а я потяну за нитку. Когда потянули таким приемом, то (действительно) подняли мышь вместе с чиндамани. Мышь устала. Обезьяна, сев верхом на медведя, вложила мышь в свое ухо, а сама взяла в рот чиндамани, и быстро поехали.

Во время пути, когда переправлялись через воду, *глубиной по колено*³, медведю взбрели в голову такие мысли: «Вследствие того, что я несу на спине и обезьяну, и мышь, и чиндамани, то (значит) я обладаю большею силой». Когда же он сказал: «Я не имею силы (устал)». То мышь, уставши, спала, а обезьяна подумала: «Если сказать (ему) ответ, то, пожалуй, потеряешь чиндамани». И в то время, как не отвечала, медведь, рассердившись, что (никто) из двоих не отвечает, *сказал*⁴: «Я опрокину вас в воду». Но только обезьяна ответила: «Не опрокидывай!», — как чиндамани, находившееся во рту, упало в воду.

Вышедши на берег после этого, она журила медведя: «*Ты существо, обладающее дурными качествами*»⁵. А когда мышь, услышав ссору, спросила: «Что случилось?» и ей ответили: «Вот это», она сказала: «*Как же теперь быть?*»⁶. Медведь и обезьяна сказали ей с сожалением: «достать чиндамани из воды невозможно, возвратимся!». Мышь ответила: «А я (все-таки) попробую взять (его) одним способом. *Вы вдвоем сядьте там!*»⁷. И начала бегать по берегу речки взад и вперед, издавая звуки «чист-чист». Тогда существа, находящиеся в воде, выйдя, спросили: «Эй, мышь, зачем

¹ В калм.: «Возвратившись в усталости».

² В калм.: «захвати камень четырьмя лапами».

³ В калм.: «глубиной по бедро».

⁴ В калм.: «За то, что вы не отвечаете!»

⁵ В калм.: «Ты, медведь, ничего не понимаешь».

⁶ В калм.: «Теперь успокойтесь».

⁷ В калм.: «Вы оба будьте на берегу».

ты это делаешь?». Мышь ответила: «Разве вы не слышали? Идет *войско*¹, не задерживаемое ни землей, ни водой». «Но если так, то что хорошее можно предпринять против этой неприятности?» — спросили существа. «Другого, — сказала мышь, — средства нет: (нужно) построить *стену*² между водой и землей, тогда будет хорошо». Все существа, находящиеся в воде, тотчас же согласились и начали носить камни и грязь. Мышь же строила в два ряда стену, и вот, когда сделала (уже) ее вышиной в одну четверть, какая-то большая лягушка приползла, притащив чиндамани, и сказала: «Среди камней нет камня тяжелее этого». Тотчас же мышь позвала обезьяну и сказала: «Чиндамани здесь!». Обезьяна, очень обрадовавшись, похвалила ее: «Умная мышь!» — и, взяв чиндамани в рот, положила мышь к себе в ухо, села верхом на медведя, и (все) отравились (в путь).

Когда они пришли, то сын брамина умирал с голоду. А когда обезьяна подала ему чиндамани, он сказал: «Друзья мои! Вы оказали (мне) большое благодеяние». И, войдя к воде, произнес по-прежнему молитву с пожеланием, и явился дом лучше ханского дворца, невообразимо многочисленный народ, различного рода деревья с фруктовыми плодами, сад, испещренный различными вечными цветами, различного рода голосистые птицы распевали песни, вкусные плоды³. Когда он (снова) был одарен всяким имуществом, то еще раз попросил у чиндамани: «Если ты, чиндамани, истинно, то, так как у меня не жены, то с благоволи сделать моей супругой дочь Эсрук из царства тенгриев». Лишь только он это сказал, (как сейчас же) пришла дочь тенгрия с неисчислимыми подругами. Проживая с нею во взаимной радости, он имел от нее, соответственно мысли (желанию), сто сыновей⁴.

¹ В калм.: «многочисленный враг».

² В калм.: «крепкое здание». И кроме того добавлены слова мыши: «Вы все, обитающие в воде существа, несите камни, а я выстрою здание».

³ В калм. добавлено: «Зиме даже имени не было. Блаженство было полное и совершенное. Какое бы пожелание он ни выразил чиндамани, все исполняется».

⁴ В калм. добавлено: «Когда мудрый труп окончил сказку, то славный хан Амугулаюг Эдлекчи так сказал: «Этот человек счастлив благодаря своей великой доброте!» и улетел на небо от святого учителя Наганжуны.

Из поучений учителя Наганжуны: «Сын хан! Ты не порочен ни в ко-

4. Выводы

В кратком предисловии к переводам их автор указывает, что «Сиддиту Кюр» представляет собой интерес двойного рода: художественный и научный. Опираясь, безусловно, на труды и лекции Д. Н. Овсяннико-Куликовского, переводчик видит художественную ценность этих сказок, как вообще всяких народных сказок, «в стихийном, в теориях литературы именуемом почему-то бессознательным, народном творчестве, которое творит, не заботясь ни о будущем своих творений, ни о сборниках, ни о рецензиях. Плоды этого творчества сначала устно, а потом и письменно хранятся в недрах самого народа, передаваясь из поколения в поколение» [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1546. Л. 1–1об.]. Ценность «Сиддиту Кюр» в научном отношении он усматривает в их распространении, «первоначально как результат индийского творчества в Азии — буддизмом, в Европе — аравитянами и персами, и отражении их сюжетов и мотивов в эпосе других народов, которым они становятся известны, в частности, в эпосе русском» [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1546. Л. 2].

И. Д. Сургучёв отмечает, что «Сиддиту Кюр» как рукописное произведение стало известно благодаря российскому переводчику и филологу Густаву фон Бергманну, который в 1804 г. опубликовал его в монгольской редакции. В России первым три сказки напечатал один из основателей отечественного научного монголоведения профессор О. М. Ковалевский. Переводчик упоминает также научную дискуссию по поводу «Сиддиту Кюр» между немецким филологом Б. Юльгом и российским монголоведом, профессором Санкт-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. При этом автор предисловия подчеркивает, что его перевод сказок «Сиддиту Кюр» является «посильным разрешением филологической задачи, и только» [ЦГИА. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1546. Л. 2–2об.].

Соглашаясь с писателем, сегодня можно добавить, уже без реверанса в сторону художественной, историко-литературной и теоретико-литературной ценности и значимости «Сиддиту Кюр», что

стях, ни в сердце. Ни один из сыновей Узамбидита не сделался истинно счастливым. В следствие того, что ты 13 раз носил на спине мудрый труп, то в этой жизни ты получишь силу и наслаждение, и ты будешь один, с которым никто другой не сравнится».

«Из сказок мудрого трупа эта сказка тринадцатая».

и данный перевод И. Д. Сургучёва, пусть и студенческий, учебный перевод, также имеет свою ценность и историческую, и филологическую, и педагогическую.

Источники

- Голстунский 1864 — *Голстунский К. Ф.* Убаши хун-тайджийн туджи, народная калмыцкая поэма Джангара и Сидиту-кюрыйн-тули, изданные на калмыцком языке. СПб.: Литогр. Иконникова, 1864. С. 8–74.
- Ковалевский 1836 — *Ковалевский О. М.* Монгольская хрестоматия. Т. 1. Казань: Тип. Казанского университета, 1836. С. 72–78.
- Куэ-Фан 1904 — *Куэ-Фан.* Первоначальный учебник китайского разговорного языка, с указанием интонации и ударения. СПб.: [б. и.], 1904. 48 с.
- Малиновский 1895–1909 — Православное догматическое богословие / [Соч.] Свящ. Н. П. Малиновского, инспектора Ставропол. духов. семинарии. Ч. 1–2. Харьков: тип. Губ. правл., 1895–1909.
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Литература

- Клименко 2017 — *Клименко Н. К.* Последняя встреча (ко второй годовщине смерти И. Д. Сургучёва) // Сургучёв И. Европейские силуэты / сост. А. Г. Власенко и А. А. Фокин; ред. М. Г. Талалай. СПб.: Полиграф, 2017. С. 412–421.
- Нутрихин, Фокин 2008 — *Нутрихин Р. В., Фокин А. А.* Восточный интертекст в архитектурном и литературном тексте города Ставрополя // V Сургучёвские чтения: «Ставропольский текст» в литературе, истории и науке: Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. А. Фокина. Ставрополь: Ставропольск. гос. ун-т, 2008. С. 164–169.
- Нутрихин, Фокин 2010 — *Нутрихин Р. В., Фокин А. А.* Мистический свет Азии в творчестве Ильи Сургучёва // Теегин герл (= Свет в степи). 2010. № 4. С. 9–17.
- Сургучёв 2016 — *Сургучёв И. Д.* Парижский дневник. 1940–1945 / подгот. текстов, составл., предисл., общ. ред.: А. А. Фокин. Ставрополь: ТоварищЪ, 2016. 310 с.
- Сургучёв 2010 — *Сургучёв И. Д.* Студенческие годы (воспоминания) // VII Сургучёвские чтения: Культура провинции: локальный и глобальный контекст: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. А. Фокина. Ставрополь: Ставропольск. гос. ун-т, 2010. С. 290–299.
- Сургучёв 2024 — *Сургучёв И. Д.* Константинопольский дневник / под-

- гот. текста, коммент. и публ.: А. Фокин // Сибирские огни. 2024. № 8. С. 124–147.
- Фокин 2005 — *Фокин А. А.* Традиции Востока в творчестве И. Д. Сургучёва: калмыцкая тема в пьесе «Реки вавилонские» // Юг России: взаимодействие народов и культур: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Элиста: Джангар, 2005. С. 120–128.
- Фокин 2006 — *Фокин А. А.* Традиции Востока в творчестве И. Д. Сургучёва // Изменяющаяся Россия — изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI века: сб. науч. трудов. Саратов: СГУ, 2006. С. 133–139.
- Фокин 2013 — *Фокин А. А.* Традиции Востока в пьесе И. Д. Сургучёва «Реки вавилонские» // Диалог культур: национальное и инациональное в литературе: Мат-лы Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф. (г. Элиста, 15 апреля 2013 г.) / отв. ред. Р. М. Ханинова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. С. 60–64.
- Ханинова 2006 — *Ханинова Р. М.* Сновидение как сгущенная смысловая модель в повести Ильи Сургучёва «Черная тетрадь» // III Сургучёвские чтения: Творчество И. Д. Сургучёва в контексте русской литературы XX века: Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (г. Ставрополь, 17–20 октября 2006 г.). Ставрополь: Ставр. кн. изд-во, 2006. С. 143–152.